

О Т З Ы В

официального оппонента

о диссертации Дмитрия Викторовича Пирогова

«Вопросы подготовки русской армии к войне

в военной периодике 1905 – 1914 гг.»,

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 07.00.02. – Отечественная история

Тема диссертационного исследования Д.В. Пирогова представляется весьма **актуальной**. Появление в последние десятилетия обобщающих работ по таким аспектам истории русской армии начала XX в., как строительство вооруженных сил, офицерский корпус и военная периодическая печать, требует перейти к следующему уровню осмысления проблемы – к выявлению взаимосвязей между отдельными аспектами. И, в частности, к привлечению материалов военной периодики для выявления степени адекватности представлений русских профессиональных военных о характере будущей войны и задачах подготовки к ней, – а также для выявления влияния военной общественности на государственную политику в области строительства вооруженных сил. Подобное исследование может существенно обогатить, сделать более «объемными», наглядными наши представления о русской армии начала XX в. и о причинах ее успехов и неудач в Первой мировой войне.

Новизна исследования Д.В. Пирогова определяется тем, что автор диссертации:

– впервые в историографии связал тематику материалов русской военной периодики 1905 – 1914 гг. с уровнем представлений военных кругов о характере будущей войны и задачах подготовки к ней;

– впервые же изучил материалы русской военной периодики 1905 – 1914 гг. на предмет выявления указанных представлений, степени соответст-

вия их реальным вызовам времени и степени влияния их на государственную политику в области строительства вооруженных сил и

– сделал в результате такого изучения целый ряд оригинальных выводов, имеющих большое научное значение (см. ниже).

Источниковая база диссертации вполне репрезентативна и позволяет решить поставленные автором исследовательские задачи. Выделим методологически правильное решение Д.В. Пирогова ограничить круг привлекаемых им материалов военной периодики общероссийскими изданиями, не являвшимися при этом узкоспециализированными изданиями того или иного рода войск, – то есть материалами, отражающими мнение наиболее широких кругов военной общественности по наиболее широкому кругу проблем. Выявление в результате сплошного изучения подобных материалов мнения 582 одних только идентифицированных профессиональных военных дает вполне достаточную основу для авторских наблюдений и выводов относительно взглядов военной общественности на основные аспекты подготовки армии к будущей войне. Привлечение же автором таких источников, как законодательные акты и служебная документация, дало ему возможность определить степень влияния этой общественности на государственную политику в области армейского строительства, а привлечение источников мемуарного характера – как уточнить механизм такого влияния, так и рассмотреть изучаемые вопросы в контексте времени.

Обширная и разнообразная источниковая база и следование принципам научной объективности и историзма (составляющим **методологическую основу** исследования Д.В. Пирогова) позволили автору диссертации прийти к целому ряду научно обоснованных выводов, имеющих большое научное значение.

Здесь прежде всего надо выделить вывод о том, что характер будущей войны и задачи страны и армии по подготовке к этой войне русская военная общественность в 1905 – 1914 гг. оценивала в целом недостаточно адекватно (в качестве критерия адекватности автор совершенно справедливо выбирает

опыт начавшейся в 1914-м Первой мировой войны). В частности, недооценивалась роль, которую сыграют в будущей войне новые технические средства борьбы (заметное повышение интереса к ним обозначилось только в самый канун Первой мировой) и полевая тяжелая артиллерия – превосходство в которой было в 1914 – 1917 гг. одним из главных козырей германской армии, позволявших ей брать верх над русскими войсками. До Д.В. Пирогова в такой недооценке обвиняли только руководство военного ведомства России; диссертанту же удалось доказать, что свою долю ответственности за недостаточную подготовленность русской армии к Первой мировой войне должна нести и военная общественность.

Существенно уточнены автором и представления историков о причинах неудач преобразований, предлагавшихся так называемыми «младотурками» – оформившейся к началу 1910-х гг. группой генштабистов, выступавших за решительные изменения в Военном ведомстве по образцу тех или иных западноевропейских армий. Эти неудачи принято связывать почти исключительно с косностью руководителей Военного ведомства и интригами противников «младотурок» – побудившими власти предрержащие усмотреть в деятельности сторонников радикальных реформ в армии «политическую подкладку». Д.В. Пирогов же на основе анализа военной периодики показал, что русская военная общественность тоже не была в массе своей увлечена идеями «младотурок», что влияние их на настроения армейских кругов было незначительным.

Необходимо выделить как очень важный и вывод автора диссертации о том, что вероятных противников России в будущей войне русская военная общественность после Русско-японской войны довольно быстро определила правильно. Без этого качество подготовки России к Первой мировой войне было бы еще более недостаточным!

Еще одним достижением диссертанта является документированный показ факта сотрудничества Военного министерства с военной общественностью в деле реформирования армии после Русско-японской войны 1904 –

1905 г., а также механизмов такого сотрудничества – которое в целом ряде случаев инициировалось самим министерством. Больше того, анализ материалов военной периодики позволил Д.В. Пирогову убедительно доказать, что в 1905 – 1914 гг. военная общественность заметно влияла на деятельность Военного министерства и на результаты этой деятельности, т.е. на качество подготовки армии к будущей войне.

Подобный вывод особенно интересен в контексте изменений, происшедших в 1905 – 1906 гг. (после издания «Манифеста 17 октября» и утверждения новой редакции Основных государственных законов Российской Империи) в государственном строе России, – в контексте поворота власти к привлечению к управлению государством также и выборных представителей общественности. Это последнее обстоятельство подчеркивает и сам Д.В. Пирогов – стремление которого исследовать проблемы истории армии и в общеисторическом контексте лишний раз говорит о методологической зрелости автора диссертации.

Структура диссертации вполне соответствует задачам, которые поставил перед собой автор диссертации. Оформление диссертации соответствует установленным требованиям.

Диссертация не лишена и ряда недостатков. Непонятно, зачем в историографическом разделе разбирается история изучения военной периодики XVIII – начала XIX вв. и почему в разделе, посвященном составу и организационной структуре армии, разбираются также вопросы боевой подготовки различных родов войск и тактики артиллерии (сс. 70, 72, 75, 78–79, 88).

Диссертант недостаточно охарактеризовал труды А.М. Зайончковского, Н.Н. Головина и А.А. Керсновского – не упомянув об их выводах относительно состояния и проблем русской армии начала XX в. (сс. 17–18).

Нельзя согласиться с квалификацией повышенного внимания к подготовке мелких тактических единиц как стратегического просчета (с. 195). Нельзя противопоставлять подготовку подразделений подготовке соедине-

ний и объединений: это два разных – и одинаково необходимых! – отдела боевой подготовки.

Диссертант, далее, недостаточно представляет себе организационно-штатную структуру русской армии начала XX в.

Так, в артиллерии не существовало упомянутых на с. 78 «8-орудийных и 4-батареиных» и «4-орудийных и 3-батареиных» дивизионов. В конной артиллерии дивизионы имели по две 6-орудийных батареи (т.е. по 12 орудий), а в полевой пешей – по три 8-орудийных (т.е. по 24 орудия). Соответственно, перейти к 6-орудийным батареям предлагалось не в конной, а в полевой пешей артиллерии.

Должность командира эскадрона соответствовала должности командира роты – а не батальона (как утверждается на с. 205). И, соответственно, чину ротмистра – а не подполковника.

Вопреки сказанному на с. 64, резервные части не формировались при мобилизации. Наоборот, они существовали исключительно в мирное время, а в военное не «приписывались» к двухбатальонным полкам, а развертывались в новые части полевой пехоты.

Диссертант ошибочно отождествляет военнотружущих, призванных из запаса армии, с запасными войсками (сс. 169–171, 214). Соответственно, плохая выучка запасных, призванных на войну с Японией, не была следствием плохого обучения в запасных частях: через эти последние запасные, призванные в 1904 г., не проходили. Их сразу вливали в части полевой или резервной пехоты.

Следовало бы также более четко, чем это делает диссертант на сс. 100–106 и 251, различать службу Генерального штаба (т.е. службу штабов) и собственно Генеральный штаб (т.е. штабной орган, руководящий подготовкой армии к войне).

Трудно понять диссертанта, когда он пишет на с. 68, что, «если бы маневр навстречу противнику начался до завершения мобилизации, кавалерийские дивизии остались бы без поддержки казаков, вследствие чего корпусам

приходилось бы выполнять марш-маневр практически вслепую». Во-первых, кавалерийские дивизии отнюдь не требовали неременной поддержки со стороны формирувавшихся при мобилизации второочередных казачьих полков и дивизий. Во-вторых, поддержка кавалерийских дивизий и ведение разведки в интересах корпусов – это разные вещи.

Обучающиеся в военных академиях в России именовались и именуется не «студентами» (с. 59), а слушателями. Неправомочно и отнесение имущества связи к снаряжению (с. 229–230), т.е. к предметам, предназначенным для ношения военными служащими оружия и имущества, а также для запряжки и седловки лошадей.

Диссертант не смог так отредактировать работу, чтобы избежать опечаток. В результате на с. 64 значится «к двум батальонным полкам» (вместо «к двухбатальонным полкам»), на с. 78 – «6-орудийные батальоны» (вместо «6-орудийные батареи»), на с. 97 – «Всепопданнейшие доклады военноМУ министрУ». На с. 265 неверно указаны инициалы публициста А.Ю. Кривицкого, а на сс. 16 и 270 допущена опечатка в фамилии Б.О. Унбегауна.

Отмеченные недостатки не носят, однако, принципиального характера и не могут поколебать выводы диссертанта. В целом диссертация Д.В. Пирогова представляет собой оригинальное и законченное исследование, отличающееся научной объективностью, новизной и обоснованностью выводов и наблюдений и логичным и ясным изложением.

Выводы автора диссертации могут быть использованы при разработке общих лекционных курсов по отечественной истории, истории русской армии, истории военного искусства; при проведении семинарских занятий по этим дисциплинам; при разработке специальных курсов по русской военной истории. Наблюдения и выводы автора могут также помочь в практике строительства вооруженных сил и при совершенствовании деятельности современной военной периодики.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации. Различные положения диссертации отражены в 6 статьях, в том числе в 3 статьях, опубли-

ликованных автором в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть отражены основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Диссертация Д.В. Пирогова полностью удовлетворяет требованиям «Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова» от 27.10.2016 г., предъявляемым к кандидатским диссертациям, а Д.В. Пирогов заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

31.03.2017

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук,
доцент Московского
Архитектурного института
(Государственной академии)

Смирнов
Андрей Анатольевич

Подпись Смирнов А.А.
Начальник общего отдела

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский Архитектурный институт (Государственная академия)
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 11; тел. 8 (495) 624-75-35, 628-56-76;
факс 8 (495) 625-58-13; e-mail: marhi@marhi.ru